

Елена СТРЕКАЛОВА
(Ставрополь, Россия)

**«Эмиссия» источников
личного происхождения:
к возможностям устной истории
в исследовательском
локальном пространстве***

В названии статьи звучит фрагмент перефразированной цитаты одного из известных исследователей в области устной истории. А. Портелли сравнивая традиционные письменные источники и источники, возникающие посредством методологии устной истории, заметил, что первые возникают задолго до того как исследователь узнает о их существовании. Устное же свидетельство является потенциальным источником пока исследователь не вызовет его к жизни, не способствует его созданию. Отсюда, важным для появления устного источника является процесс передачи информации или «трансмиссия» от носителя коммуникативной памяти к исследователю в процессе интервью, благодаря чему происходит запись источника, «выпуск его в свет» или эмиссия [20, с.46].

В действительности такое отношение к возникающим устным источникам представляется вполне обоснованным, поскольку основным методологическим приемом исследования устной истории является метод интервьюирования. С помощью «исторического интервью» осуществляется фиксирование субъективного знания отдельного человека о времени его жизни. Отсутствие объективности – неотъемлемая черта устных источников. Они субъективны и пристрастны по своей сути, поскольку возникают благодаря исследователю и значительно позже изучаемого события. Тем не менее, в последние десятилетия устная история стала достаточно распространенным инструментом мировой

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е –2000-е гг.)»), проект № 08–01–00511а.

гуманитаристики, применяемым для получения сведений о различных сообществах, об историческом опыте, индивидуальной и коллективной памяти разнообразных социальных групп.

Вспомним, что историография длительное время делала ставку почти исключительно на так называемые объективные и надиндивидуальные источники. Однако формирование в последней трети XX в. принципиально новых полей исторического знания под влиянием лингвистического и культурного поворотов имело широкие последствия, благодаря чему появились историческая антропология с историей ментальностей и историей повседневности, историческая культурология, интеллектуальная история, новая биографика, микроистория, новая локальная история и др. [22]. В рамках исследовательских категорий новых направлений индивидуальные, и поэтому всегда субъективно окрашенные, источники представляют особую ценность и потому попадают в поле пристального внимания историков. Однако источники личного происхождения – дневники, мемуары, автобиографии, письма – являются достаточно редкими находками исследователей российской истории. В архивах мы находим справки, отчеты, партийные решения, методы их реализации, но источники личного происхождения, свидетельствующие о «голосе безмолвствующего большинства» чаще всего являются ценными и немногочисленными находками в арсенале историков. Тоталитарный режим, культ личности, репрессии и неприятие инакомыслия в нашей стране не давали возможности накапливать источники личного происхождения. Устная история предоставляет возможность записать и сохранить индивидуальное видение жизни интервьюированных на фоне событий эпохи. Многим исследователям привлекательна именно эта сторона устной истории – перспектива «эмиссии» источников антропологического ракурса.

Отметим, что специфика устной истории, ее субъективно окрашенные источники признаются главным достоинством этого методологического направления в понимании одних исследователей и являются главным объектом критики других [20, с.42]. Однако критики забывают, что и другие виды источников, зачастую создаваемые разного рода чиновниками отчасти субъективны. Содержащаяся в них информация проходит определенный «субъективный контроль» сознания этих людей. Многие письменные источники пишутся с позиции государства, и человек в них остается объектом приложения его властных полномочий. Архивы, по сути, государственные учреждения, отражающие развитие этого государства и лишь только отчасти социума и отдельного челове-

ка. Напротив, устные источники открывают возможности приблизиться к осмыслению людьми своей истории, повседневной жизни, выявлять особенности менталитета. Они заставляют историка, как справедливо и метко отметил английский исследователь П. Томпсон, «с высот исторических теорий... опуститься на землю – к неуклюже индивидуальным человеческим жизням, лежащим в их основе» [25, с.23.].

Устная история, как историографическая и методологическая практика стала распространяться в современной российской историографии с 1990-х гг. Одним из основных объектов интереса устных историков в настоящее время в России, или шире – на постсоветском пространстве, является проблематика Второй мировой и Великой Отечественной войн, социальных процессов, связанных с ней. Центр устной истории в Европейском университете в Санкт-Петербурге провел исследование памяти о блокаде и памяти переселенцев Карельского перешейка, заселивших земли финской территории после советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и после завершения Великой Отечественной войны [6; 17]. В Петрозаводске исследователи занимаются сбором воспоминаний о довоенном и послевоенном времени [5, с.68–75]. В Харькове под руководством Г. Гринченко собраны воспоминания оstarбайтеров, подобную работу ведет и общество «Мемориал» в России [7, с.215–226; 26, 16]. Изучение военной тематики – одна из исследовательских тем центра устной истории в Барнауле, на первый план исследования руководитель центра Т.К. Щеглова ставит изучение устных рассказов алтайских крестьян [27]. В Калининградской области предметом исследования стали свидетельства первых советских граждан на территории Восточной Пруссии после войны. Надо сказать, что в Калининградском университете еще в 1988–1992 гг. было организовано, наверное, самое раннее устно-историческое исследование на всем бывшем постсоветском пространстве [3].

Все представленные работы в качестве основных (но не единственных) источников использовали устные интервью с современниками событий. Важно, что устные рассказы использовались не в качестве иллюстративного материала, а становились предметом непосредственного анализа и источником информации. Результатом кропотливой работы исследователей стала по-новому прозвучавшая тематика известных исследовательских линий, в частности темы блокады. Одновременно сбор устных воспоминаний позволил поставить новые познавательные задачи, практически неразрешаемые без этого вида источников. Так, взгляд «изнутри» алтайской деревни времени десятилетий советской

власти отразился в книге Т.К. Щегловой «Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история» [27]. Историю Калининградской области (бывшего Кенигсберга) с позиции населения, а не партийных директив, статистики и отчетов без устных источников вообще невозможно было написать. Так утверждают руководители проекта «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области». За многочисленными архивными документами терялся человек, вынужденный осваивать территорию присоединенную к СССР [3, с.3–5].

Активность исследователей по использованию устных источников в отношении проблематики Второй мировой войны и социальных процессов, связанных с ней, объясняется общей историографической ситуацией вокруг этой тематики. Существование человека на войне, эмоции, страхи и переживания в условиях боевой и тыловой повседневности, его отношение с властью стали предметом пристального изучения последних двух десятилетий. Главная роль в таких исследованиях отводится источникам, помогающим понять психологию людей в экстремальных условиях жизни и выживания. Устные источники позволяют наблюдать эти процессы, а также приблизиться через воспоминание к реалиям и опыту самовосприятия человека, следовательно, к общественному сознанию. Устные источники предоставляют возможность писать историю «с низу», сфокусировать внимание на отдельном человеке как действующем лице и по-новому интерпретировать отношение человека к прошлому.

С 2005–2006 гг. автор данной работы занимается применением методологии устной истории к исследованию соотношения коллективной/исторической и индивидуальной/приватной памяти о Великой Отечественной войне на Северном Кавказе. Причем Северный Кавказ мы рассматриваем как локальное социальное и полиэтничное пространство.

Результатом этой работы стал формирующийся архив устной истории Великой Отечественной войны на материалах Северного Кавказа при кафедре истории России и научно-образовательном центре «Новая локальная история» Ставропольского государственного университета. Речь идет о формировании базы устных источников по истории войны. Записи устных воспоминаний-интервью с людьми военного поколения создают своеобразные мемуары. Однако их отличие от такого рода источников в возможности анализа голосового и эмоционального фона рассказа информанта (записи сохраняются в цифровом формате на CD)

и в уникальности источника, поскольку это мемуары не возникли бы никогда без усилий исследователей. По сути, происходит пополнение и расширение источниковой базы по истории войны, которую большинство граждан современной России считают важнейшим событием XX в. Актуальность создания такой устно-исторической источниковой базы очевидна и с точки зрения бедности архивов источниками личного происхождения, и с точки зрения развития современной исторической науки, и с точки зрения уходящего поколения свидетелей и очевидцев войны.

Идея создания архива появилась у автора представленной работы и была поддержана Российским гуманитарным научным фондом в 2008 г. В действительности работа по сбору, хранению, интерпретации устных источников ведется на историческом факультете СГУ более трех лет. С 2007 г. архив создается объединенными усилиями с коллегой из Краснодара И.В. Ребровой. Цель, проводимой нами работы заключается в пополнении источниковой базы «антропологического прочтения», выявления «человеческого измерения» военной поры 1941–1945 гг. и региональной специфики памяти об этом периоде на Северном Кавказе.

На наш взгляд историки новейшего времени имеют уникальную возможность лично участвовать в формировании базы для своего исследования, восполняя пробел с помощью интервьюирования современников событий. Хотя в источниковедении устные источники не выделяют в качестве самостоятельных, тем не менее, признают их возрастающую познавательную пользу для исследователей XX века [8, с.672]. Как справедливо заметила Т.К. Щеглова

«устный источник, «говорящий» от народа, принципиально отличается от архивных источников, говорящих языком властных структур: анонимно и унифицировано. Он одновременно и индивидуален и объективен в силу своей субъективности, так как отражает видение прошлого конкретным человеком, излагающим свой прошлый жизненный опыт и свою правду жизни, которые можно интегрировать в «макроисторию» [27, с.77].

Потенциальных информантов мы находили двумя способами. С одной стороны, исследовательской группой налажены связи с ветеранскими организациями, краеведческими музеями, вследствие чего были получены списки ветеранов, инвалидов войны, вдов участников войны. Одновременно с этим мы использовали и способ поиска информантов

по принципу так называемого «снежного кома»: просили информантов подсказать, кого они бы посоветовали опросить. И в ряде случаев это оказывались интересные находки. Этот подход был для нас особенно важен, поскольку мы ставили задачу выявить зависимость способов трансляции военного прошлого от того, насколько человек вписан в официальную культуру памяти, иными словами, как часто он выступал перед различными аудиториями с рассказами о войне.

Большая часть записей производилась дома у информантов. Предположительно это объясняется желанием многих опрашиваемых воспользоваться документальным подтверждением своего фронтового и военного прошлого, а также возрастом и здоровьем людей военного поколения. Обзванивая фронтовиков, рассказывая о целях и содержании проекта, мы редко получали отказы участвовать в опросе по немотивированным болезням, слабостью, потерей памяти причинам. В целом, военное поколение достаточно охотно отзывалось на наши предложения о встрече и записи воспоминаний. Лишь однажды фронтовик, инвалид, потерявший ногу, сказал, что говорить о военных победах, сравнивая жизнь наших ветеранов и за границей, не хочет. Дважды уже после договоренности по телефону исследователей не пустили в дом и отказались от беседы, объяснив это тем, что боятся рассказывать под диктофон. Были и курьезные случаи, когда в ходе беседы становилось ясно, что память человека уже не дает возможности рассказать о своем военном прошлом по фронтовым причинам (например: перенесенная в годы войны контузия).

Тем не менее, в целом работа над проектом показала желание «безмолвствующего большинства» дополнить «большую» общегосударственную глобальную историю своими воспоминаниями о войне. Благодаря устным интервью война предстает сквозь мировоззрение рядовых участников исторического процесса, это взгляд на войну из окопа, блиндажа, разрушенного дома, боевого поста, оккупированного Ставрополя и Кубани и т.д.

Процесс создания устных источников весьма притягателен, но далеко не так прост, как кажется на первый взгляд. Использование устных данных в исследованиях известно со времен Геродота. Современные антропологи, этнографы, социологи, фольклористы активно собирают «в поле» сведения по интересующим проблемам. Тем не менее, особенность устной истории в ее современном понимании заключается в том, что она могла появиться как самостоятельное методологическое направление только в век доступности технических записывающих

аудио- и видеоустройств (неприменимы стенографирование, выборочная фиксация рассказанного). Записи проводились с использованием цифрового диктофона, переносились в компьютер и на диск, который сохраняется, как и текстовая версия интервью. Методология этого направления предполагает хранение записей, для того, чтобы исследователь мог воспользоваться анализом не только смыслового и лингвистического содержания устного рассказа, но и эмоциональным фоном, сопутствующим трансляции (рассказу) человеком своего опыта. Эмоциональная составляющая устного документа позволяет увидеть, как человек оценивает исторические события, вписанные в историю его жизни.

Параллельно с опросами проводилась не менее трудоемкая работа по переводу аудиозаписей интервью в текстовый формат и бумажные носители согласно устно-историческим правилам транскрибирования интервью. Цель расшифровки-транскрибирования заключается в максимальном приближении источника записанного на диктофон в форме беседы-интервью к текстовому аналогу устного воспоминания. Интервью переводится в текстовый формат без редактирования, стилистической правки, с максимальным сохранением особенностей устной речи. Остаются обрывки предложений, недосказанные фразы, переходы между темами. Иными словами, при переводе из аудиозаписи в текстовый формат сохраняется, насколько это возможно, «спонтанность» устных воспоминаний, дающих возможность увидеть, как человек вспоминает свое прошлое и каковы приоритеты в темах памяти о его жизни в контексте военной эпохи. Сохранены и эмоции информанта: в скобках отмечены паузы в воспоминаниях, слезы, смех. Таким образом, вербальные и невербальные компоненты устного рассказа, значимые для интерпретации, по большей части сохранены. В скобки помещены вставки, сделанные при расшифровке в том случае, если эти слова были понятны из контекста разговора непосредственно во время беседы или дополнительных сведений об информанте. Интервью сопровождаются комментариями и пояснениями для возможности их адекватного прочтения как источника. Фиксируется место рождения, семейное положение, образование, место работы, продолжительность записи, время и место, имя проводившего интервью и транскрипцию.

При проведении интервью, в рамках первой части беседы респондентов просили рассказать о том, что они помнят о своей жизни и о времени войны. Однако «провоцирование» информанта на монолог удавалось не всегда, и в некоторых случаях во время «основного по-

вестования» о жизни задавались вопросы, тем самым, прерывался единый контекст рассказа о довоенной и военной жизни и собственного видения респондентом своего прошлого. Вопросы стимулировали воспоминания и вербально сигнализировали о заинтересованности исследователя, что оказалось очень важным для наших информантов. Поэтому в форме диалога записана большая часть интервью. Для такой «исследовательской беседы» была специально разработана анкета с приблизительными вопросами, которая должна была служить ориентиром для проводивших интервью о военном времени. Таким образом, полученные нами интервью включают и элементы биографического и проблемного интервью [21, с.328–329].

Каждое интервью занесено в опись с фиксированием возраста информанта, времени и места проведения опроса, с присвоением ему определенного номера, что дает возможность делать ссылку на этот источник любому исследователю¹.

В архив вошли уже более 80 воспоминаний людей фронтового поколения 1941–1945 гг., проживающие на Ставрополье и Кубани. Изначально предполагалось выявить региональную специфику памяти о войне и проследить, как жители этих регионов вписывают опыт военных лет в историю своей жизни вообще и, особенно, в воспоминания периода 1930–1940-х гг. Иными словами, в период наиболее тяжелых испытаний: коллективизации, раскулачивания, репрессий, военного времени, оккупации, послевоенного восстановления. Население названных, преимущественно аграрных, казачьих, северокавказских регионов, тяжело перенесло эпопею «сплошной коллективизации» и раскулачивания, в 1932–1933 гг. и после войны перенесло голод. Оба региона Северного Кавказа, ставшие предметом нашего непосредственного анализа – Ставропольский и Краснодарский края – практически одновременно были оккупированы в конце июля – начале августа 1942 г., стали частью территории, где проходила битва за Кавказ в 1942–1943 гг. После освобождения большей части территории Северного Кавказа в январе-феврале 1943 г. (за исключением территории в районе Новороссийска и Таманского полуострова, где бои шли до октября 1943 г.) восстанавливали разрушенное хозяйство, оказывали помощь фронту. В связи с этим, ставя изначально цель сравнить особенности региональных воспоминаний о военной поре для нас было

¹ *напр.*: интервью с Дёмкиной Н.П. // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0038].

важно, чтобы наши информанты родились и жили до и после войны на Ставрополье и Кубани, уходили на фронт из этих регионов, были очевидцами оккупации и послевоенной жизни.

Часть проделанной работы уже нашла отражение в нашей книге «Память о Великой отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: материалы и исследования», вышедшей в Санкт-Петербурге в 2008 г. [18]. В целях сохранения возможности аналитического использования собранных устных источников другими исследователями интервью из архива устной истории публикуются в книге без редактирования, стилистической правки, с сохранением дословно особенностей устной речи. Неразборчивые фразы также отмечены в треугольных скобках, как правило это географические названия и имена. Продолжительность записи, время и место, имя проводившего интервью и транскрипцию, отражены в примечаниях в начале каждого рассказа.

Часть устных интервью, ставших «единицами хранения» нашего архива, воспоминания фронтовиков. Эти «мужские» воспоминания показывают, как при всем разнообразии биографических рассказов о войне четко выявляется структурное подчинение фронтовой реальности. Они дают возможность выявлять социальную обусловленность памяти о войне. Вторая часть собранных интервью – воспоминания женщин, участниц войны и тех, кто пережил войну в детском и подростковом возрасте. Устные нарративы этих воспоминаний открывают малоизвестные страницы «неженских» сторон войны в женском описании, раскрывают неоднозначную картину оккупации региона и тяжелые картины военного детства. Женские рассказы корректируют общие, устоявшиеся представления о героизме. Сюжеты их воспоминаний разрушают «глянцевый» портрет войны, отшлифованный в советское время. В источниках четко наблюдаются страницы специфичного для Северокавказского региона «табуированного прошлого»: прошлое раскулаченной семьи, вымирание в голодные 1932–1933 годы, проживание в спецпоселках НКВД, выселение горских народов в 1943 г. (репрессии в отношении чеченцев, ингушей, карачаевцев). Об участии в событиях выселения горцев говорят только устно, без записи на диктофон и просят их «не предавать». Коллаборационизм местных народов, наиболее часто встречающиеся воспоминания о предательстве калмыков, казачества. Вспоминают о предательстве односельчан-полицаяв, дезертирах в лесах.

В целом, занимаясь изучением памяти о войне с помощью устной истории, мы пришли к выводу о комплексности, взаимосвязанности

открывающихся исследовательских полей. В первую очередь, мы вышли на проблему изучения устных воспоминаний фронтового поколения, как свидетельств о войне, как тип исторического источника о военном времени. Память, несмотря на определенную неполноту, способна удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого. В этой перспективе устные записи воспоминаний – исторический источник о социальной истории войны, повседневности в годы войны, психологии и гендерной истории войны. Реальная жизнь и выживание людей во время войны, их тяготы, заботы, страдания, боль зачастую умещались в универсальную, хрестоматийную, растиражированную и учебниками, и публичными выступлениями фразу: «Народ вынес, перенес, выстрадал...». Повседневная жизнь советского воюющего общества и на фронте, и в тылу остается малоизученной проблемой.

Вторая исследовательская линия связана с функционированием и эволюцией политики памяти. Так сложилось, что память о Великой Отечественной войне служила и служит легитимизации политического режима. По воспоминаниям можно наблюдать, как менялось, трансформировалось содержание и структура памяти. В воспоминаниях, где встречаются моменты, не вписывающиеся в ранее общепринятую концепцию истории войны, информанты подчеркивают: «раньше об этом нельзя было говорить». Благодаря рассказам участников и очевидцев войны создавались и продолжают создаваться образы и представления, которые включаются в состав культурной памяти.

Третья тематическая линия, связанная с анализом устных источников о войне, выводит на исследование функций социальной памяти и формах ее воплощения в литературе, кино, средствах массовой информации, позволяет определить значение памяти о войне для современного российского общества. Интервью свидетельствуют, как официальная историческая версия или свидетельства других людей вплетаются в индивидуальную память. Происходит так называемое «забвение источника». Благодаря исследованиям памяти известно, что человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников: из учебников, из рассказов других людей, из романов, из документальных и художественных фильмов и т.д. Устные свидетельства дают возможность наблюдать и «забвение прошлого». Забвение необходимо для стремящихся к примирению, стремящихся все забыть, иногда все простить за давностью лет.

Одна из тем, привлекающая наше внимание на основании опросов фронтового поколения – память о военном детстве и повседневности четырех лет времени войны, сложившаяся у детей и подростков под влиянием реальной действительности, трансформация ее содержания и оценок прошлого под влиянием последующей жизни. Историографическая ситуация свидетельствует, что наблюдающийся в российской исторической науке интерес к исследованию исторической памяти о Великой Отечественной войне не распространяется на воспоминания «детей войны» и специфика памяти этого «фронтового» поколения остается малоизученной проблемой [4, 19, 23, 24].

Рассказы наших информантов, которым в годы войны было от 7 до 17 лет, показывают как их личный опыт превратился в память и историю. Используя синтезирующую и обобщающую функции памяти, ее способности к рефлексии, которые проявляются в интервью-воспоминаниях, проследим, как культура общества и отдельного человека взаимодействуют во времени. Рамочным конструктом для создания особой реальности в воспоминаниях поколения, пережившего фронтовую эпоху в детском и подростковом возрасте, является тема войны и истории семьи. При этом в процессе передачи своего жизненного опыта транслируются культурные ориентиры и социальные практики общества и эпохи, в которой они прожили свою жизнь, и наблюдается переплетение и взаимодействие индивидуального опыта отдельного человека и исторической памяти всего общества. В связи с этим важно выявить общие и особенные «места памяти» (*lieux de memoire*), из которых складывается и концентрируется память общества. Самая главная функция этих «мест», в сохранении и поддержании коллективной памяти. Таким символическим смыслом могут быть наделены события, ритуалы, предметы, традиции, мифы, люди, географические населенные пункты и др. [9, с. 7–24].

Остановимся на своеобразии символических образов нарративных повествований детей войны. В их рассказах наблюдаются собственные логические линии, которые мы относим к особым местам памяти этого фронтового поколения либо особому содержанию известных памятных вех войны.

«Детские» воспоминания характеризует практически полное отсутствие боевых действий, память о которых в оценочном ключе присутствует в воспоминаниях ветеранов-фронтовиков. Исключение составляют повествования так называемых детей полка и подростков, встретивших войну в 15–16-летнем возрасте, к концу войны попавших

на фронт. Следовательно, для большинства «детей войны» по причине их возраста масштаб боевых действий опосредован в структуре психологического времени более важными и близкими к ним процессами, связанными с семьей, работой в тылу, учебой во время войны, пребыванием на оккупированной территории.

Характерно также, что припоминание боевых действий и своего участия в них в качестве действующих лиц передавали респонденты мужского пола. В ходе войны происходила их социализация, становление их как мужчин, и хотя война в общем однозначно оценивается ими отрицательно, но связывается с идеалами мужественности и чести. В нашей коллекции интервью два воспоминания людей, на какой-то период войны ставших детьми полка. Неизбежное столкновение с военной реальностью, со смертью глубоко потрясло их и привело к утрате мальчишеских иллюзий о войне. В восприятии того времени насилие и массовое убийство представляло определяющую действительность, постоянную угрозу и даже обыденность для бесчисленного количества людей, но дети воспринимали это особенно остро.

Значимым событием начала войны, с точки зрения большинства «детей войны», стало начало, условно говоря, «времени потерь». Воспоминания о потерях родных и близких в годы войны характерно для миллионов людей. Однако в детском возрасте эти потери особенно болезненно ощутимы и приводят к разрушению основ самого представления о детстве. Отцы, а у многих и матери, уходят на фронт и не возвращаются назад. Теряется привычное связанное с детством течение жизни в семье. Практически все опрошенные нами (за исключением неполных семей; тех, у кого родители развелись; отцы были репрессированы) подробно останавливались и эмоционально описывали моменты, связанные с воспоминанием об уходе отцов на фронт.

«Я в семье была самая младшая, нас было пять человек... Я помню, папа, когда уходил на войну, поднял меня на руки и быстро так опустил, отвернулся, а на кухне полотенце висело, им он вытирал слезы... Папа погиб в 1943 году» [14].

Важно, что рефлексия о потерях близких и психологической цене войны лично для конкретного человека присутствует зачастую структурно в конце устного воспоминания или смыслового блока внутри повествования, завершая рассказ о войне. Обращаясь к теории высказывания как единице речевого общения можно объяснить это обращенностью к слушателю, объяснением оценочного поля предыдущего

тематического блока. М.М. Бахтин обращал внимание, что высказывание характеризует его адресность, апперцептивный фон восприятия или ответного понимания слушателем [2, с.276]. Этими оценочными высказываниями информанты объясняли свое отношение к войне, к своему практически потерянному детству:

«... Я потерял все, родителей потерял, дом разрушили. Ну что ж там, в душе у меня до сих пор, конечно, обида. Обида на то, что я все потерял. Это нельзя передать, и посмотрел, какая наша страна разрушенная стала, во что превратили нашу страну. Вот одни разрушения. А сколько калек было, сколько убитых...» [13].

Неоднозначным по содержанию местом памяти «детей войны» являются события оккупации. Эта тема в воспоминаниях менее всего испытала влияния предыдущих высказываний, поскольку относится к числу обойденных коллективной, официальной памяти. Очевидно, что человек, рассказывая о своей жизни, обращается к сюжетным линиям, существующим в его сознании, к разным приемам рассказа, известным ему из множества источников: учебников, литературы, радио и телевидения. В этом смысле оккупация не была частью памяти советского общества о Великой Отечественной войне, поскольку тематика, связанная с оккупацией, оставалась за гранью героической в целом картины войны в мета-нарративной структуре советского официального дискурса. Пребывание на оккупированной территории рассматривалось как потенциальное предательство и было веским основанием для отклонения возможности попасть юношам в танковые войска, разведку еще в годы войны, а после – в военные училища. Спустя почти двадцать лет после развала советской системы, испытавшие на себе косвенно «вину» пребывания на оккупированной территории, могут рассказать об этом [10, 12]. В связи с этим, тема оккупации исчезла из учебников, о ней предпочитали не вспоминать. Повседневная коммуникативная память в силу сформировавшегося страха также была настроена на вытеснение, сознательное забывание событий оккупации. Как замечет Я. Ассман, «стратегическое забывание» наблюдается в тех случаях, если общество оценивает это событие негативно [1]. В силу отсутствия стереотипных предшествующих высказываний воспоминания об оккупации сбивчивы, противоречивы и индивидуальны. Тем не менее, в них выделяются похожие описания и рассуждения о событиях.

Коллективная память в условной группе «детей войны» закрепила представление об оккупации как об отсутствии выбора. Оккупация

началась достаточно внезапно, и спастись, убежать, скрыться, эвакуироваться не было возможности. В построениях рассказов о собственной жизни четко выделяется начало и окончание этого периода, а внутри него память о солдатах: «своих» и «чужих». Солдаты отступающей Красной Армии перед началом оккупации вызывали с одной стороны горечь, жалость, с другой – сочувствие, сострадание. Отступление летом 1942 г. было стремительным, кровопролитным и тягостным и для армии, и населения. Не зря именно в этот период войны после отступления от Ростова-на-Дону 28 июля 1942 г. был издан приказ наркома обороны СССР № 227 более известный как приказ «Ни шагу назад!», который имел цель пресечь всякое проявление трусости и дезертирства, категорически запрещал отступление без особого распоряжения командования. Это тяжелое ощущение надвигающейся беды сохранилось в памяти очевидцев:

«... Там такой боевой командир, [у него] маузер болтается, ходил по двору, говорит: «Мать, можно фрукты?» Она: «Конечно, кому они нужны». Август, то ли сентябрь месяц, фруктов полно. Он вот то попросил фруктов и говорит: «Ну, что, мать, вот еще часа два пробудите в Советском Союзе, а потом все». Мать заплакала, говорила, а как же мы. Ну, он ответил: «Мы еще вернемся». И немножко побыли и он дал команду отходить...» [12].

Никто из информантов не передал в рассказе сомнения, существовавшие на тот момент, в возможности победы. И в этом случае трудно сказать, передают ли они действительно свои оценки тех лет или уже постфактум, основанные на реальности победы. Можно предположить, что это стереотипные оценки веры в победу более позднего времени, характерные для массового сознания. Сомнения в победе уже после победы перешли в разряд «сознательного забвения». На такое заключение наводят далеко не героические описания наступающей Красной Армии. Однако после начавшегося наступления зимой 1943 г. солдаты Красной Армии сохранились в памяти «страдальцами» за победу:

«Потом слышим: «Наши, идут, наши!» «А где?» – «Возле кладбища» [южная часть села, ныне г. Михайловска, откуда шла наступающая Красная Армия]. Мы побежали. Кто что принес, кто картошки сварил, у кого что было, несли туда, их встречали. Солдаты шли, бедные, у поршнях [в портянках], обмотками обмотанные ноги. Страшно глядеть. Я говорю: «Да бедные люди,

как же вы воевали?» Они и не останавливаются. Команда: «Шагом марш!» и все тут. Они брали из рук [все что им принесли] и шли дальше» [10].

Воспоминания о «чужих» солдатах передают, прежде всего, характерные для нашей культуры памяти представления о сущности войны, вине немецко-фашистской армии за миллионы человеческих жизней, разрушение страны. Солдаты нацистской армии выступают в разных ипостасях: наступающие – захватчики, оккупанты; отступающие и пленные. Ко времени оккупации Ставрополя и Кубани война уже шла более года. О зверствах фашистов мирные жители были наслышаны через прессу, сообщавшую о содеянном фашистами для концентрации народной мести, а также через рассказы эвакуированных и раненых. В первую очередь, увиденная немецкая армия запомнилась хорошо вооруженной, безоговорочно уверенной в своей победе, одновременно с этим армией мародеров и грабителей.

«Мы вышли [из подвала] и тут увидели: полно немцев уже ходит. Сразу видно то наши [солдаты] зашли, спросили разрешения. А эти ходят по комнатам, гогочут, смеются, жуют что-то, копаются в вещах, что-то ищут. Что там у нас в колхозе было искать!?» [12].

В контексте воспоминаний об оккупации «чужие» солдаты превращаются в образ «врага». Есть воспоминания о зверствах, о расстрелах и душегубках. В целом, это образ извергов, потерявших человеческое лицо. Происходит демонизация и дегуманизация образа врага, на что оказывали влияние как пропаганда, так и реальная действительность нового «немецкого порядка» на оккупированной территории. Представленный пласт воспоминаний о грабеже, зверствах, расстрелах и душегубках подтверждается архивными источниками. Однако иногда образ «врага» в устных рассказах не соответствует традиционным представлениям, и расходится с архивными источниками. Эти, так сказать, казусы воспоминаний никак не вписывались в официальную память, и даже на уровне коммуникативной памяти стали передаваться только в постсоветскую эпоху. В индивидуальных воспоминаниях враг приобретает индивидуальные черты и наделяется «человеческими качествами». В одной из последних своих работ «Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества», основательница такого направления современной российской исторической науки как военная антропология Е.С. Сенявская, ставит проблему фор-

мирования и трансформации образа врага в истории России в XX веке. Она обоснованно подчеркивает, что во враге редко видели человека. На что влияли и ментальные стереотипы, и работа политической пропаганды, и реалии войны [23–24]. Однако в устных рассказах «детей войны» 1941–1945 гг. образ врага носит черты не только «фашистов-извергов», но и наделяется «человеческими качествами». Они могут не только расстреливать, но и угощать шоколадом, показывать фотографии своих детей, лечить, солдаты могут встречаться с девушками и это не преподносится как нечто предосудительное. Предположим, что этому способствовало детское восприятие действительности. Однозначно можно сказать, что очеловеченный, а не демонический образ нацистских солдат присутствует в воспоминаниях людей, чьи семьи и их близкие не были расстреляны и не пострадали от насилия в годы войны.

Характерной чертой части мужских воспоминаний о военном детстве является участие в сопротивлении в период оккупации. С одной стороны, воспоминания этих людей отражают наличие романтических представлений о борьбе с «врагом, пришедшим на нашу землю» и о патриотизме, с другой – о простом мальчишеском хулиганстве. Патриотический дискурс является отличительной чертой большинства воспоминаний, многие объясняют свою смелость, бесстрашие или добровольный уход на фронт именно особым отношением к стране: «...мы были такие патриоты». Согласимся с мнением о том, что советский патриотизм обеспечивал в качестве коммуникативной практики некое единство общества. Одновременно наличие в воспоминаниях причастности к «единому патриотическому порыву» доказывает, что наши информанты в своем большинстве вписывают свою биографию в соответствующее советское время в его официальном звучании.

По длительности рассказа об участии в группе сопротивления в структуре всего интервью можно сказать, что этот опыт оценивается интервьюированными высоко. Очевидно, и собирание оружия под носом у немцев, и нарушение комендантского часа, и попытки связаться с партизанским отрядом, и участие в спасении скота одного из колхозов способствовали росту самоуважения, мужественности и обеспечивало чувство непосредственной причастности к победе. Не случайно один из известных историков, занимающихся изучением изменений коллективной и индивидуальной памяти, А. Томсон, заметил, что индивидуальные воспоминания обеспечивают осмысление событий своей жизни в соотношении с коллективной памятью. Создавая воспоминание человек следует приемлемым для общества образам и понятиям,

для того чтобы они обеспечивали ему возможность чувствовать себя комфортно [13, 14, 15].

В процессе общения с информантами выяснилось, что присутствие на оккупированной территории бросало на подростков тень недоверия и не позволяло однозначно оценить их попытки сопротивления «немецкому порядку» в советское время. Представляется, что размышления информантов об оценках их детского военного прошлого со стороны общества и власти, говорит о влиянии «конъюнктуры памяти» на возможность вспоминать публично и о способности памяти сохранять меняющееся восприятие событий, а следовательно, и трансформироваться.

Рамки данной работы не позволяют провести развернутый анализ памяти о войне поколения, пережившего ее в детском возрасте. Тем не менее, в заключение заметим, что проведенный анализ собранных устных свидетельств очевидцев войны как источника показывает, что воспоминания о войне по смысловому содержанию возможно разделить на три нарративных дискурса. Первый тип нарратива отражает прокоммунистический дискурс, он передает мифы о войне советского времени. Второй тип нарратива – патриотический, в котором история войны не вписывается в рамки традиционной официальной памяти о войне. В нем содержатся различные образы войны и врага, переоценка «своих», собственная, не хрестоматийная, оценка событий войны, признание ошибок Красной Армии, тяжесть и несправедливость жизни в войну и после нее, образы обыденной военной повседневности. Такие воспоминания позволяют оценить, насколько многогранна память о войне. Третий тип нарратива содержит маргинальный дискурс о войне, который вообще не был вписан в официальный, общегосударственный нарратив. Это воспоминания репрессированных, раскулаченных, пленных, оstarбайтеров или воспоминания о встрече на войне или в военное время с такими людьми. Память о войне таких маргинальных групп по-прежнему находится на периферии общественного сознания, представлений о войне, культурной памяти общества об этом событии. Все представленные нами три типа дискурса о войне практически не встречаются в «чистом виде» в воспоминаниях «детей войны». Они переплетаются дополняя и соперничая друг с другом, показывая, что есть прошлое, оставшееся за гранью официальной истории войны.

Источники и литература

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом в высоких культурах древности. – М., 2004.
2. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. – СПб., 2002.
4. Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей. – Челябинск, 2004.
5. *Голубев А.В., Осипов А.Ю., Савицкий А.А.* Региональная и этническая идентичность населения Карелии в первое послевоенное десятилетие (1945–1956) // Устная история (Oral History): теория и практика. Материалы всероссийского научного семинара 25–26 сентября 2006. – Барнаул, 2007.
6. Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского Перешейка. – СПб., 2005.
7. *Гринченко Г.Г.* «Устные истории» и проблемы их интерпретации (на примере устных интервью с бывшими оstarбайтерами Харьковской области) // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей. – Челябинск, 2004.
8. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под редакцией А.К. Соколова. – М., 2004. – С620–687.
9. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations, Vol. 0, Issue 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory (Spring, 1989), P.7–24.
10. Интервью с Апальковой Н.Н. Ставрополь. 12.10.2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф.1 Оп.3. 0037].
11. Интервью с Гончаровой В.К. Ставрополь. 9.07.2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ, интервью [Ф.1 Оп.3. 0032].
12. Интервью со Жмырко С.Н. Ставрополь. 17.09.2007 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф.1 Оп.3. 0035].
13. Интервью с Мовзолеевским В.Я. Ставрополь. 10.07.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф.1 Оп.4. 00412. РГНФ/ДВ–08. СК 02–ЕС].
14. Интервью с Нечепорук Н.А. Ставрополь. 17.06.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф.1 Оп.4. 00418. РГНФ/ДВ–08. СК 08–ЕС].

15. Интервью с Лапиным И.Д. Ставрополь. 11.08.2008 // Архив Устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ [Ф.1 Оп.4. 00415. РГНФ/ ДВ–08. СК 05–ЕС].

16. *Островская И.С., Щербакова И.Л.* Опыт принудительного труда в устных свидетельствах бывших остарбайтеров // Устная история (Oral History): теория и практика. Материалы всероссийского научного семинара 25–26 сентября 2006. – Барнаул, 2007.

17. Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования / Под ред. М.В. Лоскутовой. – М., 2006.

18. Память о Великой отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. – СПб., 2008.

19. Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. – М., 2005.

20. *Портелли А.* Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. / Пер., сост., введение, общ. ред. М.В. Лоскутовой. – СПб., 2003.

21. *Розенталь Г.* Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003.

22. *Румянцева М.Ф.* Теория истории. – М., 2002.

23. *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006.

24. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М., 1999.

25. *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. – М., 2003.

26. Усні історії остербайтерів / Автор-упорядник Г.Г. Гринченко. – Х., 2004.

27. *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. – Барнаул, 2008.

Елена Стрекалова (Ставрополь, Россия) «Эмиссия» источников личного происхождения: к возможностям устной истории в исследовательском локальном пространстве

Статья посвящена осмыслению возможностей устной истории в целях пополнения, «эмиссии» источников личного происхождения для изучения антропологических аспектов Великой Отечественной войны. Анализ собран-

ных устных свидетельств очевидцев войны как источника показывает, что воспоминания о войне по смысловому содержанию возможно разделить на три нарративных дискурса. Первый тип нарратива отражает прокоммунистический дискурс, он передает мифы о войне советского времени. Второй тип нарратива – патриотический, в котором история войны не вписывается в рамки традиционной официальной памяти о войне. Третий тип нарратива содержит маргинальный дискурс о войне, который вообще не был вписан в официальный, общегосударственный нарратив. Это воспоминания репрессированных, раскулаченных, пленных, остарбайтеров или воспоминания о встрече на войне или в военное время с такими людьми. Память о войне таких маргинальных групп по-прежнему находится на периферии общественного сознания, представлений о войне, культурной памяти общества об этом событии. Представленные три типа дискурса о войне практически не встречаются в «чистом виде» в воспоминаниях «детей войны». Они переплетаются дополняя и соперничая друг с другом, показывая, что есть прошлое, оставшееся за гранью официальной истории войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, устная история, источники личного происхождения

Єлена Стрекалова (Ставрополь, Росія) «Ємісія» джерел особового походження: до можливостей усної історії в дослідницькому локальному просторі

Стаття присвячена осмисленню можливостей усної історії з метою поповнення, «емісії» джерел особового походження для вивчення антропологічних аспектів Великої Вітчизняної війни. Аналіз зібраних усних свідочств очевидців війни як джерела показує, що спогади про війну по смысловому вмісту можливо розділити на три нарративних дискурси. Перший тип нарративу відображає прокомуністичний дискурс, він передає мифи про війну радянського часу. Другий тип нарративу – патріотичний, в якому історія війни не вписується в рамки традиційної офіційної пам'яті про війну. Третього типу нарративу містить маргінальний дискурс про війну, який взагалі не був вписаний в офіційний, загальнодержавний нарратив. Це спогади репресованих, розкуркулених, полонених, остарбайтерів або спогади про зустріч на війні або у військовий час з такими людьми. Пам'ять про війну таких маргінальних груп як і раніше перебуває на периферії суспільної свідомості, уявлень про війну, культурою пам'яті суспільства про цю подію. Представлені три типи дискурсу про війну практично не зустрічаються в «чистому вигляді» в спогадах «дітей війни». Вони переплітаються доповнюючи і змагаючись один з одним, показуючи наявність минулого, що залишилося за межею офіційної історії війни.

Ключові слова: Велика Вітчизняна війна, усна історія, джерела особового походження

Elena Strekalova (Stavropol', Russia) «Emission» of sources of the personal origin: to the possibilities of verbal history in the research local extant

The Article is devoted to the comprehension of the possibilities of verbal history for addition, «emission» of sources of the personal origin for the study of anthropological aspects of The Great Patriotic war. Analysis of collected verbal certificates of war eyewitnesses as a source shows that recollections about war on meaning content can be divided into three narrative discourses. The first type of the narrative reflects pro-communistic discourse; it conveys myths about the war of soviet time. Second type of the narrative – patriotic, in which war history is not written into the scopes of traditional memory about war. The third type of the narrative contains marginal discourse about war, which was actually not entered in the official, national narrative. These are the recollections of those subjected to repression, dispossessed kulaks, captive, ostarbeiters or recollections about encounters at war or during the war-time with such people. Memory about war of such marginal groups still matters for the public conscience, beliefs about war, cultural memory of society about this event. The presented three types of the discourse about war practically can not be met in «per se» in the recollections the war children. They interlace complementing and contesting with each other, showing that there is past, that remained beyond the bound of official history of the war.

Key words: Great Patriotic war, verbal history, sources of the personal origin